

© 2016 г.

Т.Л. ЛАБУТИНА

БРИТАНСКИЙ ПОСОЛ ДЖОРДЖ МАКАРТНИ И ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЕКАТЕРИНИНСКОЙ РОССИИ

В декабре 1764 г. в Петербург прибыл посол Великобритании граф Джордж Макартни (1737–1806). Выходец из аристократической семьи, ведущей свое происхождение из древнего шотландско-ирландского рода, он являлся единственным сыном от брака Джорджа Макартни и Элизабет Виндер. После окончания Тринити-колледжа в Дублине в 1759 г. Джордж поступил в юридическую корпорацию в Лондоне. Спустя пять лет его уже назначили чрезвычайным послом Великобритании в России.

В ту пору Макартни исполнилось 27 лет, а такому неопытному дипломату правительство Великобритании поручило завершить неудачно начатое его предшественником, графом Бекингемом, важное предприятие: заключить оборонительный и торговый договор с Россией¹. Возможно, это назначение не обошлось без ходатайства лорда Холланда, который оказывал покровительство молодому Макартни. Как утверждал его биограф Барроу, “почтенный лорд в данном случае руководствовался тем соображением, что красивая наружность Макартни, привлекательные манеры, обходительность и ловкость могли служить немалым ручательством успеха при дворе, где царствующей особой была женщина, и даже привести к бóльшим результатам, чем выдающийся талант без этих преимуществ”². На использование слабости Екатерины II к “сильному полу” намекал в письме к Макартни и лорд Холланд: “русская императрица в том возрасте, который пользуется вашим особенным предпочтением, а я добавлю, со своей стороны, что она стареется с каждым днем. Поэтому советую выехать из России, как только вы заметите, что красота ее начинает блекнуть”³.

Главное внимание послу предложили уделить заключению торгового договора, который пролонгировал бы действие прежнего, от 1734 г., российско-британского соглашения, обеспечивавшего ряд преференций английскому купечеству. Однако решить данную проблему быстро послу не удалось. “Торговый договор подвигается с необычайной медлительностью”, – сетовал в своей депеше к государственному секретарю Сэндвичу Макартни, с раздражением добавляя: “да и не может быть иначе в стране, где все это дело ведется какими-то лавками, величаемыми коллегиями, и мелкими купцами, которых им угодно называть членами комиссии”. “Я объясняю эту неудачу единственно отсутствием всякой методичности, преобладающей в делах всей этой обширной империи”, – заключал дипломат⁴.

Лабутина Татьяна Леонидовна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Подробнее см.: *Лабутина Т.Л.* Неудачная миссия графа Бекингема. Из истории российско-британских отношений второй половины XVIII века. – Новая и новейшая история, 2015, № 4.

² Цит. по: *Белозерская Н.А.* Россия в шестидесятых годах прошлого века. По книге сэра Джорджа Макартни “Описание России”. – Русская старина, кн. IX. СПб., 1887, с. 499–500.

³ Там же, с. 500.

⁴ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. – Сборник Русского исторического общества, т. 12. СПб., 1873, с. 204–205.

На протяжении четырех месяцев Макартни вел интенсивные переговоры, которые, наконец, завершились и должны были получить, по его мнению, “милостивое одобрение” короля. Однако этого не случилось. Король Георг III Ганновер потребовал от посла добиться больших преференций для своих негодантов, на которые российская императрица никак не соглашалась. Дипломату пришлось применить все свое умение и настойчивость, провести многочисленные переговоры с влиятельными сановниками при дворе Екатерины II, однако все его усилия оказались безуспешными. Наконец, когда императрица пригрозила, что готова вовсе отменить действия прежнего торгового договора, англичане поспешили согласиться на те условия, которые выдвигала российская сторона. Летом 1766 г. договор был подписан. Миссия Макартни завершилась, и весной следующего года он возвратился на родину.

Надо сказать, что в своей дипломатической переписке Макартни не ограничивался обсуждением вопросов, имевших непосредственное отношение к его деятельности. Подобно многим своим предшественникам, в своих донесениях он сообщал информацию о том, что могло заинтересовать правительство. Так, Макартни извещал государственного секретаря о неудовлетворительном состоянии финансов в России. “Лорд Бэкингам... описывал вам в одном из своих писем, милорд, блестящее состояние финансов императрицы, – писал Макартни. – Действительно, ее частная казна простирается до семи миллионов рублей, и она так бережлива, что сумма эта возрастает с каждым днем”. Однако, несмотря на богатство императрицы, продолжал посол, “страна, по-видимому, бедна и ни в руках купцов, ни за игорными столами почти не видно золота или серебра. Это тем более удивительно, так как положительно доказано, что Россия ежегодно получает шестьсот тысяч фунтов стерлингов, составляющих баланс в ее пользу в торговле ее с Англией”⁵.

Не обошел своим вниманием посол состояние армии и флота Российской империи. “Морская сила этой империи давно уже приходит в упадок, – извещал Макартни государственного секретаря Графтона, – и теперь значительно слабее, чем при смерти Петра I. Адмиралтейство их находится в величайшем беспорядке. Их кораблестроители самонадеянны и невежественны; их матросы немногочисленны и не знают дисциплины; их офицеры ленивы, небрежны и равнодушны к службе”⁶.

В донесениях Макартни сохранились характеристики влиятельных сановников при дворе императрицы, в том числе графа Н.И. Панина, княгини Е.Р. Дашковой, Орловых. Посла чрезвычайно заинтересовала новость о том, что Панин страстно влюбился в дочь канцлера Воронцова, графиню Строгонову, “даму необычайной красоты и живого ума, развитого путешествиями и украшенного всеми совершенствами образования”. “Я не предполагал, – продолжал посол, – что эта страсть Панина повлечет за собой серьезные последствия, и думал, что... она будет непродолжительна, а потому до сих пор и не считал нужным говорить о том... но теперь страсть эта достигла таких размеров, что я не могу долее обходить ее молчанием, тем более, что как сама дама, так и друзья ее употребляют самые хитрые уловки для того, чтобы не дать остыть этому чувству”. Казалось бы, какое дело послу иностранной державы до сердечных дел высокопоставленного российского сановника? Оказывается, дело заключалось в том, что от этого “все дела в застое”, а сам Панин “начинает терять уважение общества”, а враги его не преминули воспользоваться этим случаем для того, чтобы “выставить на вид неприличие и дурной пример такой слабости в министре Ее Величества и воспитателя наследника престола”⁷. Как видно, любовная привязанность сановника действительно могла серьезно повлиять не только на его собственное положение в великосветском обществе, но и на внутреннюю политику государства, интересы которого он обязан был денно и нощно защищать.

⁵ Там же, с. 200–201.

⁶ Там же, с. 254.

⁷ Там же, с. 256–258.

Мимо внимательного взгляда британского дипломата не прошли изменения в расстановке сил при дворе. Так, Макартни подметил, что после отъезда из Петербурга графини Дашковой Панин и граф Орлов находятся “в самых лучших отношениях”, и именно отъезд княгини скрепил эту новую дружбу. “Вы знаете, – писал дипломат в отчете Сэндвичу, – что все считают Панина ее истинным отцом; и действительно, несмотря на все ее сумасбродства, он всегда относился к ней с родительской нежностью... Во время пребывания ее здесь, он часто бывал у нее... употреблял все усилия для того, чтобы усмирить ее непокорный дух и успокоить ее злопамятность”⁸.

В одном из своих донесений Макартни подробно остановился на характеристике княгини Дашковой. Он подчеркнул, что, овдовев, княгиня начала вести уединенный образ жизни, а вскоре решила переехать в Москву. Перед отъездом она пришла проститься с императрицей. Поскольку ей давно уже был запрещен приезд ко двору, потребовалось ходатайство графа Панина, чтобы Екатерина II согласилась увидеться с ней перед отъездом. “Прием, оказанный ей, был таков, как ей и следовало ожидать, т.е. холоден и неприветлив; кажется, все рады ее отъезду”, – сообщал посол, а затем дополнял свою информацию собственными наблюдениями о княгине. – “Будучи лишь двадцати двух лет от роду, она уже участвовала в полудюжине заговоров; первый из них (дворцовый переворот 1762 г. – *Т.Л.*) удался, но не получив заслуженной, по ее мнению, награды, она принялась за новые заговоры, которые оказались неуспешными; единственное ее наказание состояло в лишении милостей государыни, сохранившей к ней до тех пор некоторое расположение. Эта женщина обладает редкой силой ума, смелостью, превосходящей храбрость любого мужчины, и энергией, способной предпринимать задачи самые невозможные, для удовлетворения преобладающей ее страсти; такого рода характер весьма опасен в стране, подобной здешней, особенно, когда он является рядом с привлекательным обращением и красивой наружностью”⁹. Примечательно, что наблюдения за деятельностью княгини Дашковой привели дипломата к выводу о заметной роли женщин в российском обществе. “Несмотря на свирепость этого народа, – писал он, – женщина, по-видимому, пользуется здесь таким же влиянием, как и между самыми цивилизованными нациями”¹⁰.

Если о женщинах высшего света Макартни отзывался с восхищением, то о русском народе в целом был весьма невысокого мнения. “Наша ошибка по отношению к ним, – писал он в одном из донесений госсекретарю, – состоит в том, что мы считаем их народом образованным и так и относимся к ним. Между тем они нисколько не заслуживают подобного названия”. А далее посол объяснял, на чем он основывался, делая подобные выводы. “Ни один из здешних министров не понимает латинского языка и весьма немногие знакомы с общими основаниями литературы. Гордость нераздельна с невежеством, и потому, ваша милость, не удивитесь, если действия этого двора часто проникнуты гордостью и тщеславием. ...В этих словах нет ничего преувеличенного... Вы поймете, что международные законы не могли достигнуть особенных успехов в стране, где нет ничего похожего на университет. Принимая во внимание их варварство и незнание тех искусств, которые, развивая способности и освещая ум, приводят к открытиям, я нимало не опасаясь их успехов в торговле и попыток в мореплавании”¹¹.

Высказываясь столь нелестно о русском народе, посол в то же время с восхищением отзывался об императрице. Он отмечал, что Екатерина II обладала пронырливым умом, вследствие которого она не только находила недостатки, но тотчас же изыскивала средства для их исправления. Поскольку императрица убедилась “в беспорядке, сложности, запутанности и несправедливости законов” своей империи, их исправление составляло “предмет ее честолюбия”. Для этой цели Екатерина II рассмотрела и изучила “с величайшим вниманием и точностью” различные законодательства

⁸ Там же, с. 202.

⁹ Там же, с. 199–200.

¹⁰ Там же, с. 200.

¹¹ Там же, с. 248–250.

других стран. На основании собственных замечаний по этому предмету и мнений “самых ученых и способных ее советников” она составила уложение, соответствующее благу ее подданных и характеру народа. “Уложение это, – продолжал Макартни, – будет предложено на рассмотрение депутатов империи, которые соберутся в Москве в течение будущего лета, причем им будет предоставлено право высказывать свои мнения о нем, указывать на те недостатки, которые они найдут в нем, и предлагать изменения. Когда по всем этим вопросам произойдет соглашение, и они будут окончательно утверждены, уложение это будет обнародовано и составит основное законодательство империи на будущее время. Поистине, это высокое предприятие достойно честолюбия великого монарха”, – с восторгом заключал дипломат¹².

Бесспорный интерес в донесениях Макартни представляла информация о первом законодательном органе России – собрании депутатов, который предполагалось созвать для составления и утверждения новых законов. В его состав должны входить 1100–1200 депутатов, избранных из всех сословий и из всех народов, “составляющих русские владения”, без различия вероисповедания, т.е. христиан, язычников и магометан. Дипломат полагал, что действия “столь шумного собрания” вряд ли будут правильными, а его решения “отличаться быстротой”. Между тем подобная затея Екатерины II с собранием депутатов, на его взгляд, будет выгодной англичанам, поскольку “отобьет охоту ко всякой иностранной политике и в течение значительного времени всецело поглотит внимание императрицы”¹³.

Информация о депутатах собрания оказалась последней в донесениях дипломата, но, по-видимому, наблюдения за российской действительностью на протяжении его деятельности в Петербурге и Москве не прошли даром. По возвращении на родину Макартни анонимно издал книгу “Описание России 1767 года”. Следует заметить, что анализ указанного произведения был детально проделан в 1887 г. Н.А. Белозерской¹⁴, современные же историки практически не обращались к нему. Лишь в 1994 г. И.В. Карацуба в небольшой статье предприняла попытку, что называется, “реанимировать” указанный источник¹⁵. Поскольку книга Макартни представляет собой, по оценке Н.А. Белозерской, “обстоятельный и разносторонний отчет” о состоянии России в первые годы царствования Екатерины II, а сведения и суждения автора “заслуживают полного доверия”¹⁶, полагаем, что обратиться к данному произведению еще раз будет вполне нелишним.

Книга Макартни состоит из 12 глав, некоторые из них снабжены статистическими таблицами. Произведение дипломата напоминает собой краткую энциклопедию российской жизни в первые годы правления императрицы. Во введении автор объяснил, почему он решил обратиться к описанию увиденного в России. Поскольку Россия на протяжении веков была изолирована от остальной Европы, а когда она впервые появилась на политической арене, “о ней мало, что было известно”, Макартни и счел необходимым изучить “дух и образ этой варварской страны”. Прогресс, достигнутый во время правления Петра I, на взгляд автора, скорее вызвал всеобщее восхищение, нежели пристальное внимание, однако по мере того, как расширялись границы империи, а ее политика становилась “систематически регулярной”, торговля, мануфактуры и финансы постепенно улучшались, а влияние государства в делах Европы возрастало, Россия “уже представляла собой не мерцающую звезду, но большую планету, которая вращается в нашей орбите, место которой еще не определено в системе, но движение которой заметно влияет на других”¹⁷.

¹² Там же, с. 291.

¹³ Там же, с. 292–293.

¹⁴ Белозерская Н.А. Указ. соч., с. 499–522.

¹⁵ Карацуба И.В. “Нация противоречия и парадокса”: историко-публицистический трактат о России Дж. Макартни (1768). – Россия и Запад: диалог культур. М., 1994, с. 36–48.

¹⁶ Белозерская Н.А. Указ. соч., с. 503.

¹⁷ An Account of Russia. 1767. London, 1768, p. V–VI.

Макартни подчеркивал: даже мельчайшая информация о стране, с которой Великобритания долгое время связана “узами дружбы, коммерцией и взаимной выгодой”, чрезвычайно важна. Между тем Россия остается малоизученной. В ней нет своих известных писателей, а иностранцы не всегда разбираются в предмете, о котором пишут. В результате Россия представляется им “бесконечной пустыней, движение в которой незаметно”. Поэтому Макартни решил взять на себя труд “пролить новый свет на уже известные предметы или углубить представления о них”, показать информацию о стране и ее жителях. Он предполагал остановиться в своем труде на географическом положении России, ее форме правления, ресурсах империи, образе жизни ее жителей, а также отдельных периодах и событиях истории, сыгравших особую роль или повлиявших на судьбу страны. И если это удастся автору, то он будет счастлив, завершал свою преамбулу дипломат¹⁸.

В первой главе Макартни остановился на географическом положении Российской империи. Он подметил, что по своей протяженности Россия не только самая большая в мире, но “настолько большая, насколько можно представить”. В силу своего расположения империя обладает тремя важными преимуществами. Во-первых, различия в климате, дополняемые различиями в почве, позволяют обеспечивать себя всем необходимым без помощи других стран. И если бы Россия была населена пропорционально ее размерам и снабжена всем необходимым, то была бы “самой богатой и самой независимой империей в мире”. Второе преимущество заключается в том, что, несмотря на протяженность своих границ, Россия менее подвержена нападению, чем большинство других стран на континенте: на севере и северо-востоке она омывается океаном, на востоке защищена лесами и болотами, недоступными для армий неприятеля. Наконец, третье преимущество заключается в большом количестве навигационных рек, столь необходимых для торговли. Именно удачное расположение государства дает выход к морям Балтийскому, Черному, Каспийскому, с последующим выходом в Средиземноморье, а через Камчатку – в Японию, Китай, Восточную Индию и Америку. Между тем, имея такие выгодные преимущества, Россия не пользуется ими должным образом, заключал автор¹⁹.

Макартни придерживался мнения, что многие улучшения в Российской империи были достигнуты благодаря иностранцам. К таковым он почему-то относил завоевание и колонизацию Сибири казаками. Более объективным представлялось его утверждение об открытии англичанами торговли между Архангельском и Англией, а также с Персией через Каспийское море. Автор полагал, что от этих действий англичан “русские приобрели выгодную торговлю”. Однако известно, что в действительности именно англичане оказались в большем выигрыше, поскольку получили от Ивана Грозного значительные преференции в торговле²⁰.

В развитие промышленности России также внесли свой вклад иностранцы. Все российские мануфактуры были основаны иностранцами, и многие из них продолжают работать под их управлением, полагал Макартни и далее заключал: “флот, добыча руды и других ископаемых, которые редко привлекают внимание варварских наций, были бы неизвестны, если бы саксонцы не открыли эти богатства”. Все это, на взгляд автора, демонстрировало ту “небрежность и невнимательность” русских к преимуществам, которыми так щедро наградила их природа²¹.

Автор уделил особое внимание рассмотрению положения иностранцев, проживавших в России, постоянно или временно. В таможенных книгах Петербурга Макартни обнаружил имена купцов из многих стран Европы: Англии, Франции, Голландии, Австрии, Пруссии, Саксонии, Гамбурга, Любека, Дании, Швеции, Испании, Италии,

¹⁸ Ibid., p. VI–VII.

¹⁹ Ibid., p. 1–3.

²⁰ Подробнее об этом см.: *Лабутина Т.Л.* Англичане в допетровской России. СПб., 2011, с. 30, 110–111, 123.

²¹ An Account of Russia, p. 5–6.

Греции и др. Кроме того, в южных и юго-восточных частях империи ему довелось повстречать представителей различных азиатских наций: турок, персов, индусов или китайцев. “Все они пользуются полной безопасностью как личности, так и собственности”, – свидетельствовал Макартни. Он также обращал внимание на политику веротерпимости, проводимой императрицей по отношению к представителям нехристианской религии. Находясь на территории империи, иностранцы могут исповедовать любую религию, будь то христианство, магометанство или язычество, писал дипломат. “Все они (иноверцы) могут поступать на службу, натурализоваться и, если дослужатся до чина, дающего дворянство, покупать земли и крестьян и пользоваться теми же привилегиями, что и коренные жители России. Все иностранцы, за исключением евреев и иезуитов, могут селиться в этой стране и вести торговлю, где пожелают”²². Автор добавлял, что по древним законам евреям прежде не позволялось проживать в России, но теперь эти ограничения сняты. Он также подчеркивал, что общей для иностранцев привилегией оставалось освобождение их от всех налогов.

Особо среди иностранцев, проживавших в Российской империи, Макартни, естественно, выделял британцев. Он признавал, что к англичанам “относятся наиболее уважительно за их богатство, честность и понимание”, хотя наиболее любимы и привечаемы русскими из всех иностранцев, на его взгляд, остаются французы. Англичане пользуются особыми коммерческими привилегиями, которые еще больше увеличились, поскольку “благодаря первоначальной и продолжающейся поддержке Англии Россия приобрела нынешнее положение как морская и торговая нация”²³.

Во второй главе книги автор подробно остановился на характеристике населения Российской империи. Примечательно, что, анализируя состав коренного населения России, он сравнивал его права с теми, какими пользовались жители завоеванных земель и иностранные граждане. Макартни приводил сведения о численности населения (мужского и женского в отдельности) по следующим группам: дворяне, духовенство, горожане, купечество, разночинцы, крестьяне, служащие в армии и на флоте. Особо автор выделял жителей присоединенных к России территорий: Украины, Ливонии, Эстонии, Финляндии, а также казаков, татар, калмыков, лапландцев, самоедов, камчадалов. Он пришел к выводу, что империя своей силой обязана не только коренному населению России, но также нациям, которые были завоеваны либо зависимы от нее. Общая численность населения Российской империи, по подсчетам автора, составляла на тот период 28 млн 371 тыс. 631 человек²⁴.

Далее Макартни обращался к анализу положения каждого из “классов” населения, начиная с дворянства. Автор обратил внимание на то, что Петр I, “следуя влиянию иностранных обычаев”, ввел новые титулы “граф” и “барон”, хотя и не наградил их носителей особыми привилегиями. Макартни сумел подметить новые привилегии дворян, полученные ими в постпетровскую эпоху. Теперь дворяне освобождаются от уплаты налогов, обладают правом приобретения земель и крепостных крестьян. Дворяне и их дети не связаны более указом Петра I о необходимости военной службы и вольны поступать на нее или отказываться, выбирая иной путь. “Они теперь свободны путешествовать в зарубежные страны, имея обычный паспорт”²⁵. Макартни добавлял, что право выезжать за границу по указу Петра III от 1762 г. получили также купцы и горожане, которые теперь могут отправлять своих детей на обучение в зарубежные страны.

В одной из глав Макартни подробно охарактеризовал русское дворянство. Он полагал, что русские дворяне, хотя и сознают превосходство цивилизации чужих наций и завидуют им, но “не стремятся к усовершенствованию и скрывают свои слабые стороны под видом пренебрежения к иностранцам”. Британец обращал внимание на то, что те

²² Ibid., p. 35.

²³ Ibid., p. 35–36.

²⁴ Ibid., p. 8.

²⁵ Ibid., p. 11–12, 17–18.

иностранцы, “которые из податливости и низкопоклонства выносят чванство русских дворян, льстят их тщеславию или доставляют им удовольствие”, могут рассчитывать на милость высокопоставленных особ. И это хорошо видно на многочисленных примерах, “когда толпы французских авантюристов, которые обосновались в России, проникали в русские семейства в качестве секретарей, чтецов, учителей и паразитов, хотя большинство этих господ безграмотны, являются беглыми преступниками и бродягами”.

По мнению Макартни, русские дворяне наименее образованы в сравнении с дворянством европейских стран; главным для них является знание современных языков, особенно французского и немецкого; “на обоих они говорят свободно, хотя неспособны писать правильно ни на одном из них”. Наиболее состоятельные завершают образование посредством тура во Францию, где обращают внимание только на то, что действует на их воображение и “воспламеняет их страсти”. Здесь они находят благодатную почву и для того, и для другого; “они превозносят все, что видят, без разбора и теряют свое чувство меры: для французов они становятся презируемыми русскими, для русских презируемыми французами, для других объектом жалости и презрения”. Таким образом, заключал автор, редко кто из молодых дворян получает преимущества от обстоятельств, при которых формируется джентльмен в других странах. Вместо реального улучшения своего нрава после путешествия они возвращаются домой с меньшим моральным багажом по сравнению с теми, кто никогда не путешествовал вовсе.

Макартни верно сумел подметить еще одну характерную черту, присущую русскому дворянству: подражание чужой жизни и нравам при игнорировании своего национального, когда, вопреки здравому смыслу, перенимаются несоответствующие местному климату мода и чужие обычаи. В подтверждение своих слов автор приводил ряд примеров: на севере дворяне строят подобие воздушных итальянских замков; русские дамы, подражая французенкам, на Пасху надевают весенние наряды, хотя на дворе в эту пору в России снег и холод; в Петербурге дворяне завели французскую моду держать швейцара, “лишь отдаленно напоминающего собой парижского лакея”, и т.д. “Можно было бы бесконечно приводить примеры подобных абсурдностей, с которыми приходится сталкиваться каждый день”, – признавал автор²⁶.

Макартни справедливо заключал, что подобное “смехотворное подражание” дворян иностранной моде приводит к серьезным последствиям, и “не только лишает их всего национального, но и нравственных национальных качеств, что вредит русскому характеру”. Автор соглашался с высказыванием Руссо, порицавшим реформы Петра I, который вместо того, чтобы улучшать своих подданных как русских, пытался обратить их в немцев и французов; однако эти попытки оказались безуспешными. Петр “обрек их на эксперимент и приобрел их в еще худшем виде, чем они были прежде. Его последователи продолжили тот же процесс, но их проекты оказались неэффективными не только для народа, но непригодными для государства”²⁷. Русские дворяне, продолжал свою мысль Макартни, в силу заблуждений последних правителей убедились в том, что все несчастья, с которыми они сталкиваются, происходят из-за их национального характера. “Бездумно подражая чужой моде, они часто становятся хвастливыми, раздражительными, легкомысленными, непоследовательными, нескромными, завистливыми и подозрительными... неспособными на настоящую дружбу и безразличными ко всем движениям души: роскошь и изнеженность, вялость и нездоровье приобретаются ими”²⁸.

Британец обратил внимание на то, что русские дворяне, хотя и проживают в северном климате, но имеют “азиатское отвращение ко всякой общественной деятельности и мужественным поступкам”, а также не способны сформулировать какую-либо идею. Они не интересуются спортом; охота, стрельба и рыбная ловля, которые популярны в Англии, как правило, им неизвестны. Они предпочитают игру в шахматы, карты или

²⁶ Ibid., p. 49–51.

²⁷ Ibid., p. 51–52.

²⁸ Ibid., p. 52–53.

бильярд: “во всем этом они чрезвычайные умельцы”. “Многие из них используют досуг в оттачивании своего ума: неподражаемый шарм изысканной беседы и чтение утонченной литературы позволяет им уйти от действительности и вернуться только к призывам чувственности и удовольствий”.

Автор отмечал, что дворяне, как и “нижестоящие классы”, отличаются “особой набожностью”, но это скорее напоминает родительский долг, исходящий из зависимости и рабства, чем из глубокой благодарности, поскольку каждый отец в своей маленькой семье является таким же деспотом. Тем не менее “эта добродетель, реальная или надуманная, является главной их ценностью”. Они не умеют и не считают нужным высказывать того отвращения к пороку, какое существует в других нациях, и в результате многие лица, “опозорившие себя явным мошенничеством и взятками”, продолжают занимать различные должности, в том числе судейские.

Макартни подчеркивал, что низкая лесть и ухаживание за министрами, любимцами двора и вообще лицами, облеченными властью, невыносимы для человека свободного и сознающего собственное достоинство: для англичанина они практически ненавистны. Главное внимание русского дворянина уделяется увеличению собственного материального благополучия и непосредственного удовлетворения тщеславия; русскому дворянину нет дела до гражданских добродетелей и суда потомков. Пристрастие его к внешним отличиям доходит до такой степени, что ради титула или ордена он готов пожертвовать более существенными преимуществами, которые иностранец, даже при больших заслугах, мало почитает. Поэтому, делал обобщения Макартни, строгий наблюдатель мог бы назвать русских “нацией, исполненной всяких противоречий, несообразностей и парадоксов”. “Они соединяют в себе самые несовместимые крайности: ненависть к иностранцам и копирование их, претензию на оригинальность и рабское подражание другим, любовь к пышности и неопрятность, атеизм и суеверие, гордость и низкопоклонство, алчность и расточительность, которые невозможно реформировать терпимостью или исправить наказаниями”²⁹.

Давая столь нелюбимые, но справедливые оценки представителям русского дворянства, Макартни высказывал предположение, что правительству России “будет труднее цивилизовать дворян, нежели крестьян”, потому что “при том состоянии, в каком они находятся, упрямство и скрытность, эти неизбежные спутники полумодернизации, могут помешать их дальнейшему развитию”. “Когда мы рассуждаем о варварстве нашей собственной и других стран несколько столетий тому назад, – продолжал автор, – мы можем говорить о более благоприятных условиях, в которых происходило формирование нации. Послушное и гуманное крестьянство... при лучших законах может быть обращено в лучший народ. Что касается дворянства, то оно должно избавиться от своих заблуждений и дурного поведения и приобрести тот здравый смысл, который послужит средством для улучшения”. Макартни высказывал любопытное предположение о том, что русские со временем, возможно, “станут такими же, как мы сейчас”, а англичане, несмотря на то, что располагаются на “высшей ступени”, могут “скатиться к тому варварству, из которого русские пытаются выбраться”³⁰.

Характеризуя российское общество, Макартни особое внимание уделял положению и роли женщин. Женщины из простонародья, писал он, продолжают оставаться в том же “состоянии варварства и подчинения своим мужьям”, которое не раз описывали прежние путешественники. Что касается жен горожан или купцов, то они, как говорят, обладают качествами, которые составляют тип “la bonne femme du vulgaire”³¹. Среди многих дам высшего света, с которыми Макартни мог встречаться во время своего пребывания в России, превалируют “распутство и безграничная распущенность”. Да и вообще, на его взгляд, женское целомудрие редко процветало при дворе и не особенно ценилось. Причина тому – воспитание, полученное девушками в юности. В России

²⁹ Ibid., p. 52–56.

³⁰ Ibid., p. 55–57.

³¹ “заурядных женщин” (франц.).

воспитание доверено французским авантюристам либо гувернанткам-француженкам, “отсутствие способностей которых является наименьшим недостатком, а предыдущая деятельность не заслуживает доверия”. Этим объясняется, почему в умении одеваться, в элегантности и внешних атрибутах русские женщины высшего круга превосходят женщин соседних государств. В то же время испорченные “небрежным или уродливым воспитанием”, они не находят никаких ресурсов в себе и набрасываются на любой объект, который может развлечь или занять их внимание. Не испытывая чувств, непостоянные в своем выборе, девицы часто капризны и ветрены в своих сердечных привязанностях. Они тщеславны и легкомысленны, многие из них с жадностью бросаются за любой тенью нового неиспытанного удовольствия, смелы и предприимчивы в стремлении к удовольствиям, не обращают внимания на ожидающую опасность их бесчестия, не стыдятся огласки, равнодушны к позору.

Критически отзываясь о дамах высшего света, англичанин вынужден был признать, что подобные характеристики не относятся ко всем придворным дамам, поскольку среди них он может назвать таких, которые “составляют украшение своего пола”, хотя число их незначительно и они являются исключением из общего правила³².

Макартни подробно остановился на характеристике крестьянства. Он выделял крестьян свободных, царских, дворовых, монастырских, заводских, крепостных. Свободные крестьяне, названные однодворцами, проживают главным образом в районе Воронежа и Белгорода и происходят от потомков эмигрантов из Польши и Украины. Среди них есть и несколько выходцев из русской знати, попавших в эти земли во время военной службы при Петре I. Хотя термин “однодворцы” означает владельцев одним домом, продолжал автор, некоторые крестьяне владеют значительными земельными наделами. Они несут расходы по обеспечению рекрутов так же, как и другие крестьяне. Царские крестьяне, на взгляд автора, пользуются большей свободой, чем другие; если они платят налоги и обеспечивают рекрутов или работают в шахтах, то освобождаются от других повинностей.

Что касается крепостных крестьян, то по справедливому замечанию Макартни, эта категория находилась в самом худшем положении. Крепостные являлись “абсолютными рабами желаний своего господина, который имел полную власть над ними во всем, включая их жизнь... По всеобщему признанию, крепостной крестьянин не имел никакой ценности”³³. Не лучшим оставалось также положение заводских крестьян. На взгляд Макартни, они являлись “совершенными рабами своего господина”.

Примечательно, что автор стремился подчеркнуть заслуги императрицы в улучшении жизни подданных. Екатерина II, писал он, “заботится о счастье своих подданных всех рангов, желает улучшить положение крестьян и горожан”. Она пытается наделить какой-нибудь собственностью возможно большее число людей, что позволит эффективно увеличить достижения сельского хозяйства и торговли империи. Для этой же цели императрица предложила значительные преимущества всем иностранцам, которые пожелают поселиться в ее владениях как колонисты. “Большое число людей (не менее 35 тыс.) уже согласилось приехать сюда, — свидетельствовал Макартни, — им выделены земли в лучших провинциях империи, и свободное владение для них гарантировано на 20 лет, с освобождением от уплаты каких-либо налогов”³⁴.

Подобно всем своим предшественникам — дипломатам, Макартни большое внимание, конечно же, уделил анализу состава армии и флота Российской империи. Он подчеркивал, что их ряды пополнялись исключительно за счет коренных русских, которые, на его взгляд, при хорошей дисциплине становятся “несравненными солдатами и матросами”. По своим способностям к подчинению русским нет равных в мире. Однако в целом, признавал Макартни, большинство их не принадлежит к военной касте. Напротив, “они испытывают сильнейшее отвращение к военной службе, особенно

³² An Account of Russia, p. 57–59.

³³ Ibid., p. 24.

³⁴ Ibid., p. 27–28.

морской, и волонтеры среди них редкое чудо”. Российские дворяне, которые служат в армии или на флоте, редко добиваются больших успехов в своей профессии, поскольку лишены амбиций. Офицеры менее искусны, чем иностранные военные; и если порой им доведется исполнять обязанности солдата, то они “скорее действуют под угрозой наказания и необходимости подчинения, нежели воодушевленные национальным духом”.

Автор обращал внимание на то, что “русские никогда не допускают иностранцев в свои регулярные войска”: даже Ливония и Эстония не поставляют ни одного рекрута на службу. В то же время, продолжал он, большинство способных офицеров на службе – иностранцы; нередко умелых генералов поставляют также завоеванные территории. Во флоте служат несколько английских офицеров, которые, подчеркивал Макартни, “понимают свое дело и видели настоящую морскую службу”³⁵.

Согласно данным Макартни, численность армии составляла 387 054 человека. Гвардия, подчинявшаяся исключительно императрице, насчитывала 11 тыс. Число артиллеристов составляло 25 тыс. Существовали еще полки кирасиров, карабинеров, драгунов, гусар, гренадеров, в целом насчитывавших 180 тыс. человек. В состав нерегулярных войск входили казаки, татары, калмыки, которые могли выставить 300 тыс. всадников. Регулярные же войска полностью состояли из русских (за исключением офицеров) и представляли значительную силу империи, а при необходимости их численность могла быть увеличена. Впрочем, как полагал автор, такой необходимости не было, “поскольку вряд ли потребуются от России выставить более 180 000 человек в войнах с северными державами. Что же касается ее четырех соседей, таких как турки, татары, персы или китайцы, то их количество всегда будет превышать российское войско”³⁶.

Примечательно, что Макартни не ограничивался общим описанием состояния армии и флота, но также приводил сводные таблицы о количественном их составе. Анализируя состояние российского флота, автор пришел к выводу, что после Петра I российский флот пришел в упадок. “У России сейчас нет флота, за исключением Кронштадта и Ревеля на Балтике”, – утверждал Макартни. На Каспийском море нет ни одного военного корабля, а по договору 1739 г. для России было закрыто плавание по Азовскому и Черному морям. “В целом русский флот во всех отношениях уступает шведскому или датскому, и не только в сравнении, но и сам по себе он крайне ничтожен”, – заключал автор. – “Со своей стороны я убедился в том, что... при таких ресурсах, какими располагает империя и при надлежащем внимании российский флот... не может представлять существенной угрозы для Великобритании”³⁷. Собственно говоря, в этом заключении и крылась причина особого внимания британского дипломата к состоянию вооруженных сил Российской империи. Макартни пытался досконально выяснить, опасна ли для Великобритании армия России и особенно ее флот.

В описании жизни российского общества Макартни, как и многие иностранцы до него, не избежал определенных стереотипов³⁸. К их числу относились: представления о правлении в России как о деспотическом; о глубоком невежестве священнослужителей православной церкви; о негативных чертах характера русских людей (распутство, пьянство, лживость, лень, раболепство); о “варварстве” и “нецивилизованности” нации в целом.

Описывая духовенство, Макартни утверждал, что оно не столь многочисленно, как можно было бы ожидать от “невежества и чрезмерной набожности этой страны”.

³⁵ Ibid., p. 30.

³⁶ Ibid., p. 136–138.

³⁷ Ibid., p. 139.

³⁸ Подробнее об этнических стереотипах см.: *Лабутина Т.Л.* Проблема стереотипов в исследовании межкультурных коммуникаций. – Вопросы новой и новейшей истории зарубежных стран. Рязань, 2011; *ее же*. К вопросу об этнических стереотипах в исторической имагологии: трансформация образа “чужого” в образ “врага”. – Проблемы исторического познания. М., 2015, с. 257–275.

При этом автор обращал внимание на то, что русские “очень суеверны”, что в большей степени объясняется их невежеством. Они очень мало информированы о принципах своей религии, немногие из них едва способны повторить учение своей веры. Обычно русские люди ограничиваются возгласом “Господи, помилуй меня!”, осеняя себя при этом крестным знамением. “Они не приступят к утренней и вечерней трапезе без этого, или когда начинают какую-то работу. Редко, когда курьер или почтальон примется за работу, не перекрестившись перед дорогой”. Автор заключает, что ни один народ в мире не высказывает такого почтения к священной клятве, как русские. Он описывал убранство храмов, подчеркивая, что иконы размещаются не только в церквях, но в каждом публичном заведении в углу помещений, как в домах частных лиц, так и в лавках. Каждый входящий в дом непременно крестится на них. По мнению автора, иконы, на которые молятся русские, отличаются от тех, что написаны великими мастерами в Италии. “В России нет ни одного хорошего художника, – полагал Макартни, – тем не менее их мазню приравнивают к произведениям ангелов”³⁹. Как бы то ни было, продолжал автор, но “их церковные церемонии многочисленны, убранство церквей очень впечатляет, одежда священнослужителей богата, преклонение перед святыми стойкое, соблюдение церковных праздников традиционно”⁴⁰.

Останавливаясь на характеристике священнослужителей, Макартни признавал, что за исключением немногих представителей высшего духовенства большинство не имеет образования и происходит из низших слоев населения, не являющихся крепостными. Их доходы незначительны, и потому они зависимы от подношений своей паствы. Они и их жены, как и другие простолюдины, отличаются склонностью к пьянству, что со временем приводит к их деградации. “В результате народ столь же невежествен, как и их пастыри, неспособные его просвещать”. Даже высшее духовенство не настолько обеспечено, как в европейских странах, где нередко его представители являются лицами первых семейств. В России это случается редко. Тем не менее к ним относятся с уважением. “Даже дворяне высшего ранга не стесняются целовать руки епископа и просить его благословения”. Макартни приходит к выводу: в гражданских делах России можно ожидать большего прогресса, чем в церковных⁴¹.

Примечательно, что Макартни сумел подметить перемены, происходящие в менталитете представителей высшего сословия, в том числе и в их отношении к религии тех, кто подпадал под влияние иностранных обычаев и вероучений. Эти люди, как правило, лучше образованы, много путешествуют, что позволяет им убеждаться “в абсурдности своих прежних принципов, считая их предрассудками”. Они по большей части становятся скептиками, “не верящими ни в какую религию вообще, ознакомившись с верой других государств во время путешествий, либо прочитав несколько иностранных книг, начинают верить подобным наставлениям так же, как другие веруют в учение своих предков”⁴².

Большое внимание Макартни уделял в своем труде рассмотрению государственного устройства Российской империи. “Управление полностью деспотичное, – утверждал он, – что бы ни говорили политики, которые представляют, что устройство Сената, коллегий и судов, в подражание иностранным методам, меняет дело по существу, они заблуждаются”. Администрация императрицы “крайне слаба и мягкотела”, особенно для “грубой природы ее подданных”, еще не готовых для восприятия намеченных реформ. Макартни подчеркивал, что в прошлые времена предпринималось немало попыток, направленных на ограничение власти суверена, но все завершалось безуспешно. Даже императрица Анна Иоанновна, занявшая трон при таких ограничениях, которые вообще ставили под угрозу ее власть, очень быстро все вернула “на прежние основы” и жестоко обошлась с авторами нововведений.

³⁹ Ibid., p. 212.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibid., p. 212–213.

⁴² Ibid., p. 214.

Макартни подчеркивал: суверену принадлежит законодательная и исполнительная власть, поэтому царствующая императрица может без всякого судебного процесса лишиться жизни, свободы или имущества любого подданного; она может присвоить общественную казну; увеличивать или снижать стоимость монеты; объявлять мир или войну; увеличивать или сокращать свои войска; предлагать новые законы или отменять прежние; наконец, назначать своего преемника на трон, невзирая на обстоятельства, которые могут вызвать право наследования в других королевствах. Все это бесспорные и не подлежащие обсуждению прерогативы короны⁴³. Высшие судебные инстанции в империи, Сенат и Синод, также находятся под управлением суверена, который принимает окончательное решение во всех делах.

Подводя итоги анализа управления Российской империей, Макартни пришел к неутешительному заключению: “При существующих порядках нельзя ожидать какой-либо правильности, определенности или чего-либо заверщенного в российском делопроизводстве, ничто не может сравниться с медлительностью, путаницей, противоречием и беззаконием, которые в целом господствуют во всех ведомствах и в особенности в судах”⁴⁴.

В одной из глав Макартни рассматривал состояние промышленности и торговли, а также искусств и науки в Российской империи. “Промышленность и торговля, хотя и не доведены до состояния совершенства, тем не менее являются очень значительными и представляют источники богатства империи”, – признавал Макартни⁴⁵. Примечательно, что он предлагал ряд мер, которые помогли бы России увеличить свое финансовое обеспечение. Макартни считал, что в большинстве районов империи следовало увеличить размер подушной подати, “она ничтожно мала в сравнении с той, что несут англичане, французы и голландцы”. Это позволило бы удвоить основную статью бюджета. Возможен также рост других налогов, в частности в промышленности. “Я знаю из документов, а также из информации от сведущих людей, – писал Макартни, – что использование честного труда и введение ремесел и мануфактур, приспособленных к климатическим условиям и характеру жителей, увеличит национальное богатство до невероятной степени”. Сельское хозяйство, которое сейчас находится в несовершенном состоянии, можно улучшить, обогатив почву, удешевив труд, используя транспорт, что позволит собирать урожаи зерна в достаточной мере для внутреннего потребления, а также для продажи на европейские рынки. Больше внимания, продолжал автор, следовало бы уделить торговле с Азией. Одна торговля с Китаем или Японией, а также с Персией и Турцией могла бы сделать Россию “посредником между странами в торговле”. Китовый и рыболовный промысел у границ России также можно “значительно и без особых затруднений” увеличить, что не могут себе позволить другие страны. Автор уверял: при соответствующем управлении и надлежащей разработке рудников за короткий срок можно увеличить добычу их продукции в 100 раз. Ему представлялось возможным использование в случае необходимости также украшений церковей и монастырей, “чрезвычайно богатых” в оформлении серебром и золотом икон, равно как столового серебра и ювелирных украшений частных лиц, “всего этого в стране очень много”. Впрочем, отмечал Макартни, “указанные источники богатств России могут потребоваться, возможно, лишь через несколько столетий, при иной форме правления и ином складе характера народа, который создан этим правлением”⁴⁶.

Бесспорный интерес в книге Макартни вызывают его рассуждения о состоянии искусств и науки в России. Он полагал, что едва ли можно говорить серьезно о таких предметах в империи, где не существует университетов, сравнимых с европейскими. На его взгляд, “регулярный процесс образования и определенные градации в достижении профессионального образования являются предметами, неизвестными для русских”.

⁴³ Ibid., p. 90–91.

⁴⁴ Ibid., p. 102.

⁴⁵ Ibid., p. 148.

⁴⁶ Ibid., p. 144–146.

В то же время Макартни был уверен, что славу России в будущем может принести русская литература, если только ее народ “избавится от тени варварства” и достигнет успехов в искусствах и науке. В Москве существует школа, которая называется университетом, но, по мнению автора, это чистое “недоразумение”. В эту школу принимают лиц любого возраста, без предварительной подготовки. Учителя, которых называют профессорами, но которые “такowymi по своей образованности и профессионализму вряд ли являются”, как правило, лица, приглашенные из иностранных университетов. Их принимают на службу без всякого испытания. Для обучения сухопутных и морских офицеров создано два учебных заведения, но оба несовершенно и мало соответствуют своему назначению.

Особое внимание Макартни уделит учрежденной Екатериной II Академии художеств, в которой состоят несколько профессоров архитектуры, скульптуры и живописи. Все они являются иностранцами и редко людьми выдающимися, поскольку талантливый художник, на взгляд автора, вряд ли покинет свою страну ради России. Ученики в академию набираются из числа детей священников, солдат и мещан, при этом профессора стараются отдать предпочтение тем, кто подает большие надежды или обладает выдающимися способностями. Недавно был опубликован “кодекс” воспитания учащихся, читать который, по мнению автора, “без улыбки невозможно”. Так, “студентам” настоятельно советуют основательно ознакомиться с теми предметами, какие считаются наиболее важными и необходимыми для разных отраслей искусства, которым они собираются себя посвятить. Затем от них требуют приобрести знания в области истории, хронологии, физики, метафизики и т.п.⁴⁷

Остановился Макартни и на описании Академии наук, основанной Петром I. Образованные члены этого сообщества, писал он, опубликовали 20 или 30 фолиантов о своей научной деятельности. Среди членов академии есть образованные немецкие профессора, но есть и такие, которые издают “тома всякой всячины, написанные напыщенно и бездарно, хотя и прекрасной латынью”. Макартни упоминал, что на протяжении 20 лет академию возглавлял “знаменитый Эйлер”, которого отправила в отставку императрица Елизавета Петровна, назначив президентом академии графа Р. (Разумовского), “едва умевшего читать и писать”. Нынешняя императрица из уважения к заслугам Эйлера, а также “желая возместить понесенные им оскорбления”, предложила ему вернуться в Россию и вновь занять кафедру, но поскольку он стар и почти ослеп, то, на взгляд автора, “нельзя ожидать большой пользы от его знаний и деятельности”⁴⁸. Макартни посетил также музей при Академии наук (Кунсткамеру), в котором содержалось “немало ценных вещей”. Среди них – бубен сибирского колдуна, несколько китайских игрушек, скелет знаменитой лошади Петра I и два слоновьих бивня.

К достижениям русской литературы Макартни отнес поэзию. Русский язык, на его взгляд, кажется “наиболее подходящим для этого: он краткий, волнующий, музыкальный и льющийся”. В течение многих лет у русских не существовало поэзии, за исключением простонародного творчества. Первый поэт, о котором узнали, был князь Кантемир, сын молдавского правителя. Затем появилось два замечательных гения: Ломоносов и Сумароков. Они превратили русскую поэзию в искусство. Первый из них написал оду, в которой много величественных страниц, последний заслужил славу драматурга. “Я с большим удовольствием смотрел пьесы Гамлета и Меровиуса, – делился своими впечатлениями Макартни, – хотя это не более, чем подражание оригиналу, но они прекрасно приспособлены к русскому театру”. Сумароков также написал две трагедии, основанные на событиях из русской истории, которыми многие восхищаются. Помимо прочего он реформировал русский театр, теперь тот “не уступает по своим порядкам и богатству обстановки другим европейским театрам”. Кроме русских пьес в Петербурге ставятся французские и немецкие комедии, а также итальянская опера, все это финансирует сама императрица⁴⁹.

⁴⁷ Ibid., p. 164–165.

⁴⁸ Ibid., p. 166–167.

⁴⁹ Ibid., p. 167–169.

Не обошел своим вниманием Макартни также состояние книгопечатания в стране. Он отметил, что в России существовало три типографии: две – в Петербурге и одна – в Москве. Количество оригинальных книг на русском языке чрезвычайно мало, и они не отличаются ценностью, что, на его взгляд, неудивительно, поскольку печать находится “под цензурой императрицы”. Древние книги издаются по-преимуществу богословского содержания: комментарии греческих отцов церкви, легенды о святых и наставления по церковному церемониалу. Современные же издания являются переводами с английского, французского и немецкого языков и представляют собой “плохое заимствование или плохой перевод”⁵⁰.

Итак, подведем итоги. Знакомство с книгой Макартни показало, что она по праву может считаться своеобразной энциклопедией жизни российского общества в первые годы правления Екатерины II. Пожалуй, со времени царствования Ивана Грозного, о котором детально поведал английский посол Дж. Флетчер⁵¹, ни один из британских дипломатов не подошел столь внимательно и скрупулезно к описанию истории, жизни, порядков и обычаев народов России, как Макартни. В этой связи его труд приобрел неоценимое значение для современных исследователей истории Российской империи XVIII в. Вместе с тем нельзя не отметить, что книга Макартни содержала немало этнических стереотипов. Его утверждения о русском народе как о “варварском” и “нецивилизованном”, деспотическом правлении в Российской империи, осуждение и резкая критика православного духовенства, обличение пороков, в особенности пристрастия к спиртному, простолюдинов – все это не раз тиражировалось на страницах произведений британских дипломатов: Дж. Горсея, Дж. Флетчера, Ч. Уитворта и др.⁵² Справедливости ради заметим, что подобные стереотипы, свойственные не только британцам, но и другим европейцам, оказались весьма живучими, что свидетельствовало скорее об идеологической подоплеке изображения русского народа как варварского, а его правителей как деспотов, нежели об объективном восприятии иноземцев и их обычаев. Британцам, активно занимавшимся на протяжении столетий колониальными завоеваниями, было выгодно представить народ России “варварами”, а ее правителей “азиатскими деспотами” для того, чтобы противопоставить им “цивилизованных” европейцев. Богатая природными ресурсами Россия с “варварским народом” вполне подходила на роль нуждающейся в руководстве и опеке со стороны “цивилизаторов”. Об этом совершенно откровенно высказался в свое время Флетчер: “Безнадежное состояние вещей внутри государства (России. – Т.Л.) заставляет народ, большею частью желать вторжения какой-нибудь внешней державы, которое (по мнению его) одно только может его избавить от тяжкого ига такого тиранского правления”⁵³. И хотя в XVIII в. Россия заметно трансформировалась, сделалась империей, завоевала ведущие позиции в Европе, прежний стереотип о “варварском” характере русского народа продолжал сохраняться в общественном мнении Великобритании. И труд о России Макартни во многом тому способствовал.

В то же время, хотя в книге Макартни содержалось немало нелицеприятных замечаний в адрес русского народа и его правителей, британский посол пришел к объективному выводу, что “ни одна нация не пользуется в полной мере такими природными преимуществами и рабочими ресурсами, как Россия... Россия является богатейшей страной и при уважении к ней соседних государств становится мощной державой в мире”⁵⁴.

Как сложилась судьба автора книги после его возвращения на родину? В 1769–1772 гг. Макартни избирался в парламент, некоторое время исполнял обязанности

⁵⁰ Ibid., p. 169.

⁵¹ Флетчер Дж. О государстве русском. М., 2002.

⁵² См.: Лабутина Т.Л. Россия и русские глазами британцев: стереотипы, мифы и реалии. – Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России; *ее же*. Британцы о России и русских. – Лабутина Т.Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013.

⁵³ Флетчер Дж. Указ. соч., с. 59.

⁵⁴ An Account of Russia, p. 181.

главного секретаря Ирландии. Спустя три года правительство направило его в качестве губернатора на Карибы, а в 1780–1786 гг. – губернатором в Мадрас в Британскую Индию. За безупречную службу Макартни в 1792 г. получил от короля титул виконта. В том же году началась его дипломатическая миссия при дворе китайского императора Цяньлуна. Цель у британского посла была та же, что и в России, – добиться торговых преференций для купцов и предпринимателей Великобритании. Ему также было поручено договориться с китайской стороной об открытии для англичан Кантона и ряда других портов, а также учреждения британского представительства в китайской столице.

Макартни был принят во дворце как посол «далекого и маленького “варварского” государства» – очередного “данника” богдыхана, а его подарки были восприняты как подношение дани. Подобно его предшественникам – послам других государств, Макартни отказался исполнить унижительный для европейцев обряд тройного коленопреклонения с земным поклоном (коуту). В результате ему пришлось возвратиться на родину ни с чем⁵⁵. Однако, несмотря на неудавшуюся миссию, в 1794 г. король присвоил Макартни титул барона, а спустя два года направил его губернатором в Капскую колонию в Южной Африке. В 1798 г. из-за ухудшившегося здоровья дипломат вышел в отставку. 31 мая 1806 г. Джордж Макартни скончался. Его титул, равно как и собственность, после кончины вдовы леди Джейн Стюарт, с которой Макартни прожил в браке 38 лет, но не имел детей, перешли сыну его племянницы⁵⁶.

Жизнь талантливого дипломата Великобритании оборвалась, но его имя осталось в памяти потомков не только в силу его незаурядной профессиональной деятельности, но в немалой степени благодаря интересному труду о далекой и великой России.

⁵⁵ <http://www.wiki-link.ru/citrates/1358421>

⁵⁶ <http://www.dic.nsf/ruwiki/655927>